

ШИПОВНИК

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

ПЕРЕВОД
МАРКА РЫЖКОВА

ББК 84Р7-5
Р93

Рыжков М. Н.

Р93 Шиповник.— М.: Прометей, С.: Старт,
1991.—112 с.

Р 8407050000—074 без объявл.
183(2)—91

ББК 84Р7-5

© Малое издательство «Старт», 1991.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ
ШИПОВНИК

Свердловск
Малое издательство «Старт»
1991

Амо Сагиян
Аршалуйс Маркарян
Егише Чаренц
Ованес Шираз
Арамаис Саакян
Анаит Парсамян

Игнат Мамян
Геворг Эмин
Сильва Капутикян
Мария Акопян
Размик Давоян
Ваагн Давтян
Паруйр Севак

ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО

МАРКА РЫЖКОВА

В эту книжку вошли избранные переводы Марка Николаевича Рыжкова. Представить эту работу полностью чрезвычайно трудно, скорее всего, совсем невозможно, потому что вела ее только любовь, а кто знает, где границы любви...

Любовь не знает законов. Говорят: человек равен тому, кого он понимает. Но любовь не озабочена идеями равенства; ее не мучает пресловутая жажда самовыражения; она сама — жизнь, она не может не быть на виду: ее достоинства — ясность и постоянство.

Марк Николаевич обладал редчайшим даром принимать жизнь целиком, сразу умом и сердцем, как зрением и слухом. Это не имеет ничего общего с удовольствием пассивного наблюдения. Любовь — всегда непрерывный труд. Но, счастливая, она тем и отличается от несчастливой, что не ведает черной работы.

Марк Николаевич — истинно — жил работой. Это вызывало благодарное уважение врачей — его коллег по основной профессии; это восхищало его товарищей — литераторов. Он переводил великих поэтов и начинающих, известных и неизвестных, переводил стихи лирические и сатирические, гневные и шуточные, эпические поэмы и детские сказки. И всегда с радостью и благодарностью.

Он был счастливым человеком — щедрым, великодушным и милосердным. Его не надо было звать на помощь — он сам приходил и помогал. Невозможная жизнь становилась возможной, и ты навсегда оставался благодарным должником.

Он был добрым человеком. И его простое правило; «В душе смирение иметь» воплощало

именно доверие к жизни и нежность к живому, невозможность обижаться на жизнь, сводить с ней счеты или предъявлять претензии — только принимать с радостью и благодарностью. Для поэта-переводчика все это имеет первостепенную важность: ведь нужно принимать чужое всем сердцем и уступать свое с простодушной щедростью мудреца или ребенка.

Армения была для него особым счастьем, божьим даром. Можно строить теперь многочисленные догадки: почему именно Армения? Может быть, талант сострадания заставил его склонить голову перед судьбой этой древней земли; может быть, приверженность к гармонии и красоте подсказала именно Армению, ее небо и горы... Он не умел быть любопытным туристом. Его любовь была действенна и проста: увидел, услышал — принял, выучил язык, чтобы говорить с любимой землей на ее языке; стал переводить ее стихи, чтобы мы тоже слышали и знали.

Армения сделала его богаче еще на один язык, еще на одну поэзию, историю, целую жизнь... Он хотел поделиться своим богатством; и если в его поэтической работе и была какая-то цель, то только эта одна.

Ночь коротка.
Громадная луна.
На гор отроги
Звезды смотрят строго.
Пошли мне, бог,
Покой и грезы сна,
Позволь, любовь,
Передохнуть немного.
Луна юна,
И так огромна ночь.
Засыпал снег
Вершины гор и склоны.
Хвала тебе, творец,
Я жив и жить не прочь,
Со всей вселенной
Примиренный.

Меня к себе зовут родные горы,
Хранящие так бережно истоки
Моих счастливых юношеских дней.
Меня к себе зовут родные горы,
Апостолы и мудрые пророки
Бессмертия и вечности моей.

Ты тесто приготовил из камней,
Добавил соль веков и горечь дней,
Ты создал печь из горного ущелья
И хлеб своей судьбы ты выпек в ней.

Похлебкой из камней кормил детей,
Чтоб выросли они в богатырей,
Ты положил оплавленные камни
В подножия своих монастырей.

На кручах гор и стенах пропастей
Четверостишия тропинок и путей,
В них затаился древний эпос камня,
Предания скитаний и страстей.

Один лишь день ты подарила мне,
Одну лишь ночь мне щедро подарила.
И мне не позабыть о том счастливом дне.
Остановилось солнце в вышине,
И это ты его остановила.
И длится эта ночь, ей не грозит рассвет,
Светить лучам зари ты властно запретила,
И в мире силы нет, чтоб отменить запрет.
И, может быть, пройдут еще десятки лет,
Им не затмить минут, что ты мне подарила.

Небытием меня не испугать.
Довольно походил по белу свету.
Но не могу в коленях дрожь унять,
Не за себя боюсь, а за планету,
Премудрую и слабую, за эту,
Что во Вселенной так легко скользит,
Которой гибелью безумие грозит.

Осени привкус в солнечном свете,
Полунамеком струится в воде,
Еще увяданья не видно нигде,
Но осени привкус в солнечном свете.
Листья глядят, как усталые дети,
Лес затаился, как будто к беде...
Осени привкус в солнечном свете,
Полунамеком струится в воде.

Цветные радуги цвели в моих слезах,
Огни сверкали. Ты не замечала.
Подснежник расцветал в желтеющих лесах,
Вернулись птицы. Ты не замечала.
Спокойным взором сути не задела
И обманулась с самого начала.
Ты осень видела и слезы разглядела,
Но главного, увы, не замечала.

В горах рассветало, журчала вода,
Росистый, лучистый клубился туман...
Нет. Видимо, я обманулся тогда,
И все это детства обман.

По небу слезою скатилась звезда,
И листья деревьев коснулись полян...
Нет. Видимо, я обманулся тогда,
И все это детства обман.

Запомнился дым очага на года.
Над скошенным полем качался тюльпан...
Нет. Видимо, я обманулся тогда,
И все это детства обман.

Ростками пробиваясь из земли,
Приходим в мир за счастьем и отрадой.
И кормит нас земля, чтоб мы смогли
Наполниться и зноем, и прохладой.
И мы растем, выходим за порог,
И обжигаемся, и жжем, и лезем драться,
Потом мудреем... И приходит срок,
Когда людьми мы можем называться.
Но разума и сил нам вдруг недостаёт,
Мы в детство вновь впадаем понемногу,
Нас мать-земля опять к себе зовёт,
И мы идем в последнюю дорогу,
В последний путь идем, в последний час,
К последней двери, отпертой для нас.

Года друг с другом схожи и не схожи.
Они в лицо друг друга не видали,
Друг другу вслед, обнявшись, пробегали...
Пришли — ушли. Прошли навеки. Боже,
Не нажил с ними каменных палат,
И лишь годами я теперь богат.

Я получил сполна, что следовало мне,
Все, что дано мне было от природы,
На песни разменял полученные годы.
И, видит бог, не по моей вине.
За каждой песней рос мой долг стократ.
И лишь долгами я теперь богат.

Не раздаю, не собираю.
Что делать мне? Скажите.
Не продаю, не покупаю.
Что делать мне? Скажите.
Ни встать, ни сесть,
И сна не знаю,
Я не живу, не умираю...
Что делать мне? Скажите.

Дожди смывают пыль с дорог,
Приходит осень на порог,
Но молотить я не могу.
Вся жизнь моя — сплошной урок,
Но поученья мне не впрок,
Переварить их не могу.
В раздоре мысли — вот итог,
И встали в горле поперек
Слова, что в сердце я берег,
Произнести их не могу.

Ушли, пролетели годы мои.
Куда подевались? Не знаю.
Куда унеслись перепелки мои,
Где задержались? Не знаю.
«Куда удалились мгновенья любви?» —
Спросил я у гор, замирая.
Глухими прикинулись горы мои,
Ни слова в ответ мне... Не знаю.

В росистых лугах, бесприютен и тонок,
Ушедшего детства заблеял ягненок,
Овцу потерявший, от стада отставший,
Далекого детства заблеял ягненок.
И в темной печали, как зернышко, снова
Дает корешки и растет мое слово,
И воздуха ищет, и света живого,
И кличет тебя, мой заблудший ягненок.

❁ Что за люди? О, боже, ответь на вопрос.
Я к ним рвался, они не заметили.
Я за пазухой звезды им с неба принес,
Не взглянули и звезд не заметили.
Всё соринку искали в глазу у меня,
Ран смертельных моих не заметили.
Я у них на глазах погибал от огня,
Но они и огня не заметили.

И СТАНУ Я МОЛИТЬСЯ ВНОВЬ

И стану я молиться вновь, я птице помолюсь,
Я в ноги повалюсь цветам, пшенице помолюсь,
Молиться стану лугу.

И стану я молиться вновь, земле я помолюсь,
И поту честного труда смиренно помолюсь,
Молиться стану плугу.

И стану я молиться вновь, я речи помолюсь.
Как ей не помолиться мне?
Но не трескучим словесам, а слову помолюсь
И слова глубине.

Молюсь, мой мир, чтоб ты не гас.
И бог давно не слышит нас,
Не слышит пашен зов и стон...
Лишь восхваленья слышит он,
Лишь титулов высоких звон
Ласкает богу ухо.

И потому я вновь и вновь надежде помолюсь,
Страданиям нашим помолюсь, заботе помолюсь,
И возвещающему день я свету помолюсь,
Его святому духу.

Ах, в любви лишенном мире
Сколько мне любить пришлось.
Ах, в бесхозном этом мире
Сколько мне господ нашлось.

Все, кого любил, не стали
Слушать жалобы мои.
И мольбы не услышали
Все хозяева мои.

Все, кого любил, успели
Мне огонь пролить на грудь.
Все хозяева сумели
Обещать и обмануть.

День убегает от криков дня,
Горы свисают с ресниц у меня.

Доброй вам, ночи, мои господа,
Усталость забот и упорство труда.

Спокойного сна пожелаю я ей,
За день измученной грусти моей.

— Скажи, что оставил в ущелье своем?
— Оставил целующий облако дом,

Ручей, что по детству струился, журча.
И детство, что кличет меня из ручья.

— Скажи, что ущелье тебе подарило?
— Да все, что во мне человека хранило.

КАКОГО ВКУСА ЗВЕЗДЫ

На горах легкий иней накидкой лежит,
Звонкой речки коленки в ущелье сверкают,
День усталый за горы укрыться спешит,
Птицы криком его провожают.

В небо прыгает дым очага, словно кошка,
Хвост изогнут дугою над крышею нашей.
А пришедшие с поля берутся за ложки,
Учиняют расправу с похлебкой и кашей.

Словно звезды, в ладонь осторожно сметаю
С нашей скатерти крошки пшеничного хлеба,
Отправляю их в рот... И взлетаю
Легким перышком в звездное небо.

Сверчки воспоминаний, вас
Нельзя пересчитать.
Мне в тишине в полночный час
Вы не даёте спать.

Пугая ночи тишину,
Вы не смежите веки.
Я с вами вместе не усну,
Ночные дровосеки.

Сверчки, мне с вами жить невмочь,
Никак вас не унять,
Вас не поймать, не выгнать прочь,
И даже не понять.

Всё пилы точите свои
Напильником незримым,
Чтоб, наконец, в стихи мои
Войти неотразимо.

Сказку бабушки моей
Наизусть я знаю,
Повторяю для людей,
Где ни повстречаю.
Ах, на небо улетела
Счастья божия коровка,
Прилететь не захотела
Счастья божия коровка.
Где осталась, кто укажет?
Может, люди что подскажут?

Я снова все тот же подпасок бесплатный,
Хоть пахарь другой и другие стада,
И мир, где я рос, не узнать никогда,
А я все такой же подпасок бесплатный.
Я жертва земли. Я уйду безвозвратно.
Хачкар мой останется вам навсегда...
Я снова все тот же подпасок бесплатный,
Хоть пахарь другой и другие стада.

Только, только взрываются почки твои,
А с меня уже листья летят.
Только, только раскрылись листочки твои,
Обнимает меня листопад.
Поздно, милая, ветер шумит,
Он несет темноту и распад.
И пока раскрываются почки твои,
Обнимает меня листопад.

В фиолетовых туманах
Песня жаворонка льётся,
Невидимкой где-то вьётся
В фиолетовых туманах.
Я бы слушал непрестанно
Эту песню, мне сдаётся,
Пусть летит, не оборвётся...
В фиолетовых туманах
Песня жаворонка льётся

И князем я бывал,
И вольным пастухом,
И даже крепостным
Мне доводилось быть.
Был другом для одних,
Другим едва знаком,
И даже чужаком
Мне доводилось быть.
Был лесом на заре,
И скошенной травой,
И даже целиной
Мне доводилось быть.
Но кем бы ни бывал,
Я был самым собой,
И лишним мне нигде
Не приходилось быть.
Всегда претендовал
На высший идеал,
И бога я искал,
Хотел пророком быть.
Я был высок и прям,
Был честен и упрям,
Таким, каким в мечтах
Мне так хотелось быть.
Я презирал уют,
Был каменист и крут,
Подобен тем путям,
Где мне пришлось ходить.

Вон скворец спустился на посевы
И клюет зеленые ростки.
На губах я ощущаю трепет
Зеленью окрашенной строки.

Горлица по убранному полю
Ищет, подбирает колоски.
На губах я ощущаю трепет
В красный цвет окрашенной строки.

Ласточка парит по поднебесью,
Там, где туч мохнатые комки.
На губах я ощущаю трепет
В желтый цвет окрашенной строки.

Каркнула ворона из ущелья,
Где таятся белые снега.
А на сердце у меня трепещет,
Блещет белоснежная строка.

ЗЕМЛЯ ТЕБЕ ПУХОМ

И скажут: «Земля тебе пухом». Потом
Тяжелую глыбу на землю поставят.
И годы пройдут над тобою потом,
Столетия на камни могильные давят.
И горы земли насыпают потом
На камни могил. И не знают о том,
Как ждешь ты, поверивший слухам,
Что будет земля тебе пухом.

ОСЕННЯЯ ПРОЗРАЧНАЯ ВОДА

Осенняя прозрачная вода
Опять несет шиповник с дальних гор,
От пены, холодеющей, седа,
Несет огни цветов с далеких гор.

Осталась первая далекая любовь
В колючих зарослях на склонах дальних гор.
С шиповником вода приносит вновь
Мне трепет той любви с далеких гор.

Чудеса в этом мире моем ежедневны,
Здесь леса опрокинулись кронами вниз,
Водопады, седые от пены,
К небесам возле скал вознеслись.

Облака здесь гора у горы отнимает,
Из ущелья ущелье стремится напиться,
Небо здесь из земли, как посев,
 прорастает,
В небосводе шумит, колосится пшеница.

Чудеса в этом мире моем происходят,
Свет — хозяин, а тень только в гости
заходит.

Я ПОМОГАЮ

Сестра с кустов шиповник рвет,
Я помогаю, помогаю.
Отец зерно молотъ везет,
Я помогаю, помогаю.
Муку сквозь сито сеет мать,
Я помогаю, помогаю.
И бабушке утром подметать
Я помогаю, помогаю.
Сушиться гроздь весит дед,
Я помогаю, помогаю.
Огня в печурке нашей нет,
Я помогаю, помогаю.
И чтоб ни делалось у нас,
Я помогаю, помогаю.
И близким встретить смертный час
Я помогаю, помогаю.
Когда прервется жизни нить,
Помочь меня похоронить
Кого позвать? Я полагаю,
Осиротевшая родня
На помощь позовет меня...
Я помогаю, помогаю...

ЗАЧЕМ ОНА ВСЕ ТА ЖЕ?

Все то же небо надо мной,
И тропка та же вьется, убегая,
Но облака другие, дождь другой,
И радуга над головой другая.

Все то же солнце светит с высоты
И освещает тот же сад и гряды,
Но новые деревья и цветы,
И незнаком хозяин новый сада.

Всё те же звезды, все наперечет,
И в тех же берегах река струится,
Но новая вода в реке течет,
А старая назад не возвратится.

И кровля та же самая, и даже
Все половицы прежние, как было...
Но, боже мой, зачем она все та же,
Стена, что нас когда-то разделила?

Я разум наукой твоей не насытил,
Гремящею музыкой слух не насытил,
Ты жжешь мое сердце,
Мой мир бессердечный,
Я сердце огнем до сир пор не насытил.

Глаза я лесами еще не насытил,
Я уши словами еще не насытил,
Усталые ноги в дороге моей бесконечной
О камни до крови разбил, но еще не насытил.

НЕ ПОНИМАЮ

Сижу один и думаю уныло,
О том, что я нашел и что теряю,
О том, что унесу с собой в могилу,
О том, что на земле я оставляю.

И лишь одно, увы, понять не в силах,
Что ничего я здесь не понимаю,
Ни то, что унесу с собой в могилу,
Ни то, что на земле я оставляю.

Я сотни раз и жил, и умирал,
Я ссорился, мирился и прощал,
Любить и ненавидеть я пытался,
Глубины и высоты измерял.
Я раздавал свое, чужое — получал,
Я в рабство попадал, освобождался,
Где можно было, я сопротивлялся,
Я сотни раз был вырыт и зарыт,
И восхищался я, и возмущался,
И только под конец я догадался,
Где был ответ на все вопросы скрыт.
И отказался я в конце пути устало
Вести про жизнь и смерть мучительные
споры.
И пусть свидетелями будут эти горы,
И смерти не было, и жизни не бывало.

Тропинки далеких мальчишеских дней
У гор на морщинистых лбах,
Слова о любви самой первой моей
У синих ручьев на губах.

Когда настигает усталости час
Меня, словно туча в горах,
Ручьи и тропинки, я плачу о вас,
О тех моих чистых слезах.

Не повстречаю на пути
Я прожитые дни.
Они ушли, сказав: прости...
И где теперь они?
Могилу отлетевших дней
Хочу я отыскать
И камень, что лежит на ней,
Склонясь, поцеловать.

Не мерз я раньше, в юные года.
Я сам пылал в любые холода.
А вот теперь, и почему, не знаю,
В натопленной квартире замерзаю.
Не знаю, как понять, завишу от погоды.
Наверное, безжалостные годы
Мне сердце притушили, чтобы впредь
Ему огнем горячим не гореть...
И шепчут мне, что нѹжно потерпеть.

О, вернись, мое детство, хотя бы на миг,
Чтоб я снова вершины Гязбела достиг.
Став ребенком опять, я всю ночь без конца
Все играл бы подолом одежды творца.
Сон придет, задремлю. В сновиденьях опять
Стану в небе косить и снопы собирать.
В молотилку я тучу, поймав, запрягу,
Горный ветер, как вицу, схвачу на бегу.
Млечный путь, как солому, рассыплю у ног,
Чтобы яркие звезды в ней выбрать я мог.
Соберу — и домой, никого не спросив,
Чтобы дом наш был светел и звездно красив.

ТАМ ГОРЫ ВЫРАСТАЮТ

Там горы вырастают на горах,
Там пропасть в пропасти зияет,
Закат грядущий страха не внушает...
Там горы вырастают на горах.
Меня заботой камень окружает.
В камнях рожденный, пел я о камнях.
Закат грядущий страха не внушает.
Там горы вырастают на горах.
Там пропасть в пропасти зияет.

СЛОВНО ЛОДКА

Араратской долины конца не видать.
Желтым морем она обернулась опять.
И багряной листвою сады зацвели.
Лишь гнездо в желтопенном просторе одно,
То, что аист любимый покинул давно,
Словно лодка, качается где-то вдали.

Той яблоне, что вырастил ты сам,
Твое существованье безразлично.
И тем камням, что отесал ты сам,
Твое существованье безразлично.
И если ты трудами долгих лет
Картину написал или портрет,
Творенью твоему, увы, сомненья нет,
Твое существованье безразлично.
Горам твоим и синим небесам
Твое существованье безразлично.
И тем словам, что произнес ты сам,
Твое существованье безразлично.
Таков закон. Его не обойти.
Пожаром сердца время освети,
Чтоб не осталось встреченным в пути
Твое существованье безразлично.

Был певцом и земли, и камней,
Небывалой прохлады твоей.
Был певцом и вершин, и привалов,
Твоей сложности небывалой,
Был певцом и столетий, и дней,
Простоты небывалой твоей.

ВЕЧЕРНЯЯ ТРАПЕЗА

Бездонные ущелья под ногами,
Вершины снежные парят над головой.
Далек мой путь. Усталыми шагами
Иду я вслед за горною тропой.
Тропа бежит испуганною ланью,
Пытаясь оторваться от меня,
А за спиною тяжкое дыханье
Усталого, измученного дня.
Синеют тени, горько травы вянут,
Я сам дышу, как загнанная дичь,
И, если ноги крыльями не станут,
В долину не сойти, вершины не достичь.
Я мерил жизнь нелегкими шагами.
Я шел и шел за горною тропой...
Бездонные ущелья под ногами,
Вершины белые парят над головой.

ЖАВОРОНКИ

Промчались, умчались
И вновь не вернутся,
Кричали, прощались
И вновь не вернутся.
Далёко, над пламенем
Жарких полей
Метались, остались
И вновь не вернутся.

Вернусь и птиц моих я перелет узнаю.
Вернусь и рай полей моих узнаю.
Земли родной знакомую тревогу
И хлебный аромат судьбы моей узнаю.
Как перепел, земли моей коснусь,
Я камни поцелую пилигримом...
И вновь умру, и снова вознесусь
Навеки, вдаль, спокойным и счастливым.

И радость вернется к печальным зрачкам,
Когда твои тени скользнут по рукам.
Мне горные птицы дадут по перу,
Я перьями пыль с лепестков соберу.
Как искрится солнце в стакане вина,
Так в песнях моих засверкает она.
Пускай обожгусь я о пламя цветов,
Ожоги я знаю и к боли готов.
О боли моей никому не скажу,
Шиповника лист на ожог положу.

Все это было, словно грезы,
Как сон сумбурный и больной...
Нет, не мои катились слезы,
Не ты смеялась надо мной.
Не я шагал, где пули свищут,
Не твой мне плач наполнил сны,
Не ты покинула жилище,
Не я пришел в него с войны,
Не ты вдали мне изменяла,
Не я в душе свой стыд скрывал,
Не ты мне издали сияла,
Не я в бреду к тебе взывал.
Не я в пути обрел смирение,
Не ты сияешь в вышине...
Все было, словно сновиденье,
Все, словно бред в сумбурном сне.

КОГДА ЭТО БЫЛО

Когда это было? Далекой весной
Рассудок теряя, бродил, как шальной,
С ума ради шутки сходил.

Был весел, задорен и юн, и здоров,
Я был наказаньем соседских дворов,
Соперником всех заводил.

Ах, где ты, веселье? Умчалось, как дым.
И место мое остается пустым.
И как это вышло? Не знаю.

Звенят холода. Наступила зима.
Уже не схожу ради шутки с ума...
Я с песней всерьез умираю.

С трудом строку я в жизнь вмещаю,
А жизнь вместить строка не может.

Я сердцем ужас ощущаю,
Душа себя найти не может.

И ночи ни конца, ни края,
И день померкнуть мой не может.

БЕЗ ТЕБЯ

Что делают без тебя
Подснежники этой весны?
Фиалки на склонах Гязбела
Что делают без тебя?
О чем журчат без тебя
Ручьи этой горькой весны?
Сиротской слезой заблестела
Роса на цветах без тебя.
Я слышал, мне говорили,
Что никнет трава на Гязбеле.
Я слышал, что сердце Гязбела
Скрывается ныне во мраке.
Я слышал, знамена склонили
И траура ленты одели
Пурпурные горные маки,
Что ныне цветут без тебя.

При слове «Армения» щеки румянцем
пылают мои,
При слове «Армения» гнутся невольно
колени мои,
Сказать не могу, почему это так.
При слове «Армения» в трещинах губы мои,
При слове «Армения» годы меня
не состарят мои,
Сказать не могу, почему это так.
При слове «Армения» слезы глаза
наполняют мои,
При слове «Армения» ветром наполнены
крылья мои,
Сказать не могу, почему это так.
При слове «Армения» домом становится
мир для меня,
При слове «Армения» смерть не пугает меня...
С Арменией я не расстанусь. Останусь.
Да будет так.

СУРИНЯНУ

О, эта Шамирам, вся воплощение горя,
Так по-армянски слезы льет она,
Из моря Ванского восставшая жена,
Из нереального, из призрачного моря.

Так над Ара рыдает Шамирам,
Как будто наирянка Анаит,
Как Ахтамар... И море слез стоит,
Врачуя наши раны, Суриян.

ЕГІШЕ ЧАРЕНЦ

Холодно. Осень. Но ночи своей синевы
не забыли.
Небо прозрачно, и ярко сияют ночные
светила.
Сердце стареет мое, но ночи его
не остыли,
Память прошедшей любви их и согрела,
и осветила.

1936 г.

Так прошла эта осень, она
Тяжела была и темна,
Как приснившееся преступленье...

И тиха, и светла она,
Как деревьев, не ведавших сна,
И агония, и исступленье...

И чего им было бурлить
И в ладоши радостно бить
В неразумном, детском восторге?

Ах, наверно, деревья в бреду
Самому мне пророчат беду...
Жизнь моя в предсмертной тревоге...

1 октября 1936 г.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

А мы Терьяна все учили наизусть,
И бредили мистическим и странным,
И нашей лиры посвящали грусть
Любви, разлуке и ночным туманам...
Когда ж иная к нам пора пришла,
И начались известные дела,
Увы, нас лира наша подвела,
Для новых песен слова не нашла.

1933 г.

О, Александр, пламенный поэт,
Уже сто лет над миром пролетели
Со дня твоей трагической дуэли,
Но ты, как прежде, излучаешь свет.

Светило вдохновения сияет,
По-прежнему лучи его горят.
Оно в зените сотню лет подряд
И никогда заката не узнает.

И лира те же звуки издает,
И ты то нежен, то игрив, то грозен,
То весел, то печален и серьезен...
Такой, как был столетье напролет.

И нашим дням известна горечь ран,
Как дням твоим и дым, и свист картечи...
Гремит штормами буйный, человеческий,
Волнующийся вечно океан.

1937 г.

Так часто в прошлом повторяли
Смертельный, траурный мотив,
Что, даже ноты позабыв,
Его бы правильно сыграли.

Хочу, чтоб сердце о страдании
Своем уверенно пропело,
Так безошибочно и смело,
Как листья в пору увяданья...

1937 г.

Жизнь несла беду, и паденье.
Ты, о сердце, на все отвечало терпением.
Но отрава страдания тебя пропитала,
Ты пустым и исполненным горечи стало.
Где ты, сладость печали высокой?
Где желанья напрасного раненый сокол?
Неужели я лишь для страданий рожден?
Неужели и лира, и жизнь — только сон?

3 августа 1937 г. Ереван.

ОВАНЕС ШИРАЗ

Боже, если ты есть, мой народ сохрани!
Чистоту наших горных ручьев сохрани!
Сохрани наш язык — негасимое пламя,
Чтоб не стал Ереван повтореньем Ани.

Не вмещает сердце веры, если совести
в нем нет,
И молитва лицемера мрак рождает,
а не свет.
А без совести рожденный, даже в рясу
облаченный,
Палачом пребудет в мире, и ему
спасенья нет.

В глазах у фиалки роса, как слеза.
О ком она плачет, скажи?
Обломаны ветви у ивы моей.
Что это значит, скажи?
Куда ни посмотришь, потоками крови
по миру легли
рубежи.
Лицо твое, боже, изранено тоже.
Чьею рукою, скажи?

Сасунские горы! Сасунские горы!
Вы рая дороже мне, древние горы.
Погибли надежды мои у подножий,
У ваших подножий, Сасунские горы.

В снах Раздан грохочет мой,
Воротан рокочет мой,
А в таинственном молчаньи
голубого Арарата
Я отцовский голос слышу, что зовет
меня домой.

Масис, Масис, святой Масис.
Клеймом унижен мой Масис.
Огнем сжигая сердце мне,
Как лед, ты холоден, Масис.

Нас Ванское море священное ждет,
Оно, как вино виночерпия, ждет,
И каждый родник полоненного края
Армян, истомившихся жаждою, ждет.

Твое милосердие вечно, о, боже.
И песня твоя безупречна, о, боже.
Но как ты добился гармонии этой?
Ведь боль наших ран бесконечна,
о, боже.

Мне кажется, что я старею,
а горы молоды всегда,
Как будто власти не имеют
над ними долгие года.
Увы, и горные вершины познают старость
и усталость,
А мне, безумному, казалось,
что юным буду я всегда.

Надежда моя — верблюжонок в пустыне,
А жизнь — это только оазис в пустыне...
В плену мое сердце, как древний Масис,
Ведь сердце моё у него на вершине.

Формы изменятся, суть — никогда,
Сила к насилью стремится всегда,
Ножны не станут для сабли могилой...
И все же родится гнездо от гнезда.

Повсюду одинаков человек,
Жестокости и нежности ковчег,
Однообразно он разнообразен,
То мира ищет он, то собрался в набег.

Встают и рушатся миры, приходят люди
и уходят,
Но неизменны небеса, в них ничего
не происходит.
Ребенок Евы и Адама таким же чистым
видел небо.
Ужели дым страданий наших до неба так и
не доходит?

Сказала мать: «Когда умру, душа останется
на свете,
В сынах, во внуках не умру. Не прекратится
жизнь на свете».
Сказала мать и умерла. Ее душа во мне жива.
Она воистину права, бессмертны матери
на свете.

Как не лишился я ума, лишившись
матери моей?
Душа моя омрачена кончиной
матери моей.
Мне крылья мощные орла ее святые руки
дали.
И сердце плачет от печали о ней,
о матери моей.

Склонись, прохожий. Непременно
Прочти на камне письма.
Под камнем этим горсть вселенной
Погребена.
Она лежит под камнем этим.
Здесь сердце матери. Оно
Всей болью всех сердец на свете
Обожжено.
Склонись, прохожий. Непременно
Прочти на камне письма.
В могиле этой горсть вселенной
Погребена.

Дума моя глубска, как печаль.

Что я могу сказать?

Глубоким я стал стариком, а жаль.

Что я могу сказать?

Придут мудрецы через тысячу лет, умнее нас
будут, сомненья нет,

Но вечным вопросам не сыщут ответа.

Смело могу сказать.

Ручьи мои и родники, загадкой вы остались.
Я по земле шагать устал, вы свежими остались.
Мы вместе детство провели. Скажите, почему
Я превратился в старика, а вы детьми остались?

Других водой поил, а о себе забыл.

Чужую боль делил, а о своей забыл.

Я сам дивлюсь забывчивости сердца...

Обиды я и те обидчикам забыл.

АРАМАИС СААКЯН

Армению на карте разыщу я.
Ты так мала, моя отчизна-мать,
Что занимаешь площадь поцелуя,
И можно всю тебя поцеловать.

Когда мне весело, и разбирает смех,
Мне кажется, я веселюсь за тех,
Кто в жизни не успел навеселиться.
Когда мне горестно, и я печально тих,
Мне кажется, что я грущу о них,
О тех, кто не успел навеселиться.

Придется много повидать.
Терпи, брат, ничего.
Тебя не будут понимать.
Терпи, брат, ничего.
Беднее многих жить придется.
Терпи, брат, ничего.
И если счастье улыбнется,
Терпи, брат, ничего.

Я видел месть и лесть,
Позор сведенья счетов,
И все же не могу, в конце концов,
Я из-за кучки злобных идиотов
Все человечество считать за подлецов.

Я бросил камень и попал в родник,
И стал он мутным на короткий миг.
Давно вода очистилась уже,
Но до сих пор тот камень на душе.

К остановке больной, одинокий старик
Подбежал, но автобус уехал уже...
Я ко многому в жизни привык,
Но, как вспомню его, тяжело на душе.

Я вовсе не был одинок,
Когда ты чудом появилась.
Но вот теперь, когда ты скрылась,
Я одинок, свидетель бог.

О, ночь любви, влюбленные, конечно,
Желают, чтоб была ты бесконечна.
Я сам им позавидовать не прочь.
Но пусть в свой срок уйдет и эта ночь,
Ведь одинокие сердца тоскуют где-то
И ждут без сна желанного рассвета.

Любил я песенку давно.
Ее ты не любила и не пела.
Расстались мы, и время пролетело,
Я и тобой забыт, наверно... Но,
Скажи мне, почему ты вдруг запела
Ту песенку, что я любил давно?

На белых, белых снах твоих
Кровоточащее я нарисую сердце,
И лепестки опавших васильков
Я раненой рукою нарисую.
И на лазури голубых небес
Улыбку губ моих я нарисую,
Я одиночество свое изображу,

Я нарисую колокольчик плача.
Я бесконечную изображу дорогу,
Дорогу, по которой ухожу,
Дорогу, на которую роняю
Я капли крови сердца моего,
Что превращаются за мною
В незабудки...

ГАГАМУ САРЬЯНУ

Я с грустью думаю о том, что неминуемо
Придет в свой срок и то, чего не ждем.
На голову мою серебряная туча
Должна обрушиться серебряным дождем.

Она прольется. Заструится иней,
И волосы мои изменят черноте.
Остынет зной... Вы станете другими,
Мечты мои, и те же, и не те.

Хочу, как ты, принять судьбу спокойно.
Как ты, собой остаться до конца...
О, господи, пусть буду я достойна
И белезны седин, и мудрости венца.

Увы, не видел ты меня
Ни в свете утра беспощадном,
Ни в зное сладостного дня,
Ни синим вечером прохладным,
Ни в час, когда ночей цветы
Вдруг раскрываются небрежно,
Доверчиво и безмятежно...
Увы, меня не видел ты.

НАИРСКИЕ ПОЭТЫ

За синей дымкой вековых гор
Вы возвышаетесь вершинами покоя.
Наирская печаль струится до сих пор
От ваших лиц и слов, мне душу беспокоя.

Из глубины веков вознесены
Нарекаци божественною речью,
Дыхание легенд, наирских сказок сны,
Ответ на вечные вопросы человечьи.

Ушедшие в бессмертие творцы,
Дыханье ваше я ищу упрямо.
Поэты Наири — верховные жрецы
Любви и Истины сияющего храма.

Горящая жажда томила меня.
Я пил... Утоления не было, нет...
Замерзшие руки я грел у огня,
Сто раз обжигался, но не был согрет.

— Чего я ищу? Что потеряно мною?—
Я спрашивал тысячи раз у творца...
И тысячи раз убеждался с тоскою:
Тревогам моим не будет конца.

Пришла ты... Как прежде, я жажду устало,
И холода путы я не развязал...
Но все-таки легче, понятно мне стало,
Чем был я палим, от чего замерзал.

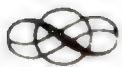
Пришла ты... И стало все просто и ясно,
Тревоги утихли одна за одной.
Уже ничего не ищу понапрасну,
Но понял, что́ было потеряно мной.

ГЕВОРГ ЭМИН

Я в слезах захлебнулся,
Родившись на свет.
Добрый мир улыбнулся
На плач мой в ответ.

Час последний догонит...
Уходя, оглянусь.
Мир слезинку обронит,
Я в ответ улыбнусь.

Реки обмелевшей журчат перекаты,
Что осени снова настала пора,
Что вновь урожай собирать нам пора
В полях,

по долинам и склонам покатым.

Бормочет вода,

что не будет возврата,—

Вернуться к истоку реке не дано,
Что омуту отмелью стать суждено,
И высохнет всё, что плескалось когда-то.

Что время потребу́ет честной расплаты,
Ты этому берегу скажешь: «Прости»,
Что жизнь утекает водой из горсти,
И тщетно оплакивать наши утраты.

Что в землю лозу зарывают лопатой,
Чтоб зеленью новой украсился склон,
А все, что ты видишь вокруг,

только сон —

И осень, и этой реки перекаты.

Когда это было? Огнем пленена,
Приникла ко мне... И, подобно свече,
От искры любви запылала она,
Подобно свече, подобно свече.

Она безоглядно любила меня,
Светясь и пылая, подобно свече.
И в пламени таяла день ото дня,
Подобно свече, подобно свече.

В любви нам и радость, и горечь дана...
И плакать пришлось ей, подобно свече.
И, слезы роняя, сгорала она,
Подобно свече, подобно свече.

Она — вся огонь, вся горенье и пыл,
А я — монастырской стены холодней...
Ее алтарем я единственным был,
Она — лишь одною из многих свечей.

Вам кажется, верно, что был я жесток.
Но как уберечь ее? Как упросить?
Одно лишь спасенье придумать я мог:
Страстей этих пламя скорей погасить.

Но жизни без пламени нету свече.
И есть ли на свете любовь без огня?
Горела она подобно свече...
И боль сожаленья терзала меня.

АРМЕ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

1

Друг другу многое хотели мы сказать,
Но так за окнами стремительно темнело...
Ты у меня осталась ночевать...
Ты помнишь ли, как эта ночь летела?
Что час и день? Не сосчитаем лет.
Беседа наша длится без предела...
Любви другой, наверно, просто нет.
Все прочее — мираж, пустое дело.

2

«Ты помнишь, Арма, чудное мгновенье»,
Когда на пыльных тротуарах Абовяна
Произнесли слова любви?
И странно,
Что тридцать лет все длится объясненье...

3

Всё теперь серебряного цвета —
От волос до наших годовщин...
Никуда не деться от морщин...
Все теперь серебряного цвета.
В мире лишь одно не изменилось:
Сердце милой, вечно молодое,
Золотое сердце, золотое...
В мире лишь оно не изменилось.

4

Когда уже нет сил, когда желаний нет
И выпадает снег, что сединой зовется,
Нам тем лишь утешаться остается,
Что цветом мудрости зовется белый цвет.

Ах, зря бесконечно
Мне сказки читают...
Лишь в сказках беспечных
Добро побеждает.

Добро побеждает,
А зло погибает
От стрел, что лишь сказка
Из лука пускает.

Свершились мечты,
И спасибо на том...
Но знаешь ли ты,
Что бывает потом?

«Семь яблок упало,
И сказки не стало...»
И тотчас же зло
Начинает сначала...

И снова все рушит
И все пожирает,
Все доброе душит...
И вновь побеждает...

Напрасно беспечно
Мне сказки читают,
В которых, конечно,
Добро побеждает.

БЕССОННИЦА

Вот еще минул час,
Все не спится никак.
Ты, страдая, лежишь
И тревожишься так,
Словно миру приходит конец.

Слушай, встань, оглянись,
Еще час подыши,
Поживи еще час.
Ну, куда ты спешишь?
Что случилось, скажи наконец...

Скоро, скоро, увы,
Ты так крепко уснешь,—
Наверстаешь бессонниц года.

В этот сон долгожданный,
Как в омут, нырнешь
И... не вынырнешь никогда.

Ты не гляди с усмешкой и сомнением,
Что рост мой невысок, что неказист мой лик.
Ты знай, что я в минуты озаренья
Бываю и всемогущ, и велик.

Что я могу вместить в больное сердце
Всю боль земли за все ее века,
Хоть это сердце, если присмотреться,
Величиной не больше кулака.

И ярость мира, гнев его без меры
Зажать в кулак и укротить его,
Хоть мой кулак и невелик размером —
Никак не больше сердца моего...

Я прахом был.
Но жизнь во мне
Окрепла,
Хоть снова прахом
Сделает меня.
А может быть, не им —
Щепотью пепла
От полыхавшего во мне
Огня...

Услышать бог не приведи,
Что ты урочные дела
На полдень отложил с утра...
Ты не успеешь оглянуться,
Часы, как тени, пронесутся,
Глядишь — а полдень позади.

Узнать мне бог не приведи,
Что ты, валяясь без заботы,
Твердишь: «Есть завтра для работы,
И лучше начинать с утра...»

Неумолимо время мчится,
И это «завтра» превратится
В невозвратимое «вчера».

Услышать бог не приведи,
Как утверждаешь ты беспечно,
Что день продлится бесконечно,
Что без конца пребудет свет...

А день уйдет в мгновенье ока,
Потонет он во тьме глубокой,
Где огонька надежды нет.
Не дай мне бог узнать о том,
Что ты твердишь: «Потом, потом...»

Ты оглянуться не успеешь,
Как с опозданием прозреешь,
Чтоб в страхе убедиться в том,
Что нет потом
Что нет потом...

ЗОВУ Я ВСЕХ

Зову я всех, чтобы сказать всерьез,
Что время мне уйти, как видно, наступает,
Последнее «прости» произнести без слез.
Увидимся ли вновь когда-нибудь, кто знает?
В последний раз в глаза вам заглянуть,
А там уйти без ноши за плечами...
Не взять мне ничего в последний этот путь,
Но не хочу вам оставлять печали.
Вот эту пядь земли вам оставляю я
И горсточку армян, что мы зовем народом,
Но нет, мы не народ, а малая семья...
И жаль прощаться мне с родней перед уходом.
Скажу «прощай» я тем, кого любил,
Прощусь со старыми и новыми друзьями...
А вы, кто до меня на этот путь вступил,
Я догоняю вас, я следую за вами.
Я, уходя, с врагами распрощусь,
Мне жаль их злобы, что никак не стынет.
Что будет с ними, если в путь пушусь?
И грызть кого придется им отныне?
Я все долги прощаю должникам,
И ни к кому претензий не имею.
А если должен я — придите, всё отдам...
Легко ли уходить, взвалив долги на шею?
И без того в долгу я навсегда
Перед землей, где дал мне бог родиться.
Семь жизней бы прожить... но и тогда
Я не успел бы с миром расплатиться.
Семью талантами меня сподобил бог,
Но я писал одним, шагая в ногу с веком,
А шесть других расстратил я как мог
На то, чтоб оставаться человеком.

Я мог бы семикратно преуспеть,
Когда бы я от чести отказался,
В семь раз я больше мог бы песен спеть,
Когда б лишь стихотворцем оставался.
Об отданном ни капли не грущу,
Ведь то, что я не отдал, то пропало.
Я отдал меньше, чем с собой тащу.
Но время уходить мое настало.
Я одного хочу, чтоб ты от бед отвык,
Народ мой, переживший гнет и войны,
Чтобы цвела земля, чтоб твой звучал язык...
О, если б знать, что так, ушел бы я спокойно.
Семь внуков я народу подарил,
Пускай у каждого по семь детей родится,
Чтоб каждый по-армянски говорил...
Тогда в наш край беда не возвратится.
О Родине семь песен я сложил,
Пусть семь поэтов каждую продолжат,
Тогда я буду знать, что не напрасно жил,
Что наша песня умереть не может.
... Я всех зову к себе издалека,
Но стойте, подождите, ради бога,
Мне кажется, еще рождается строка,
Вот напишу ее, а там — пущусь в дорогу...

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ, НАПИСАННАЯ СЕГОДНЯ

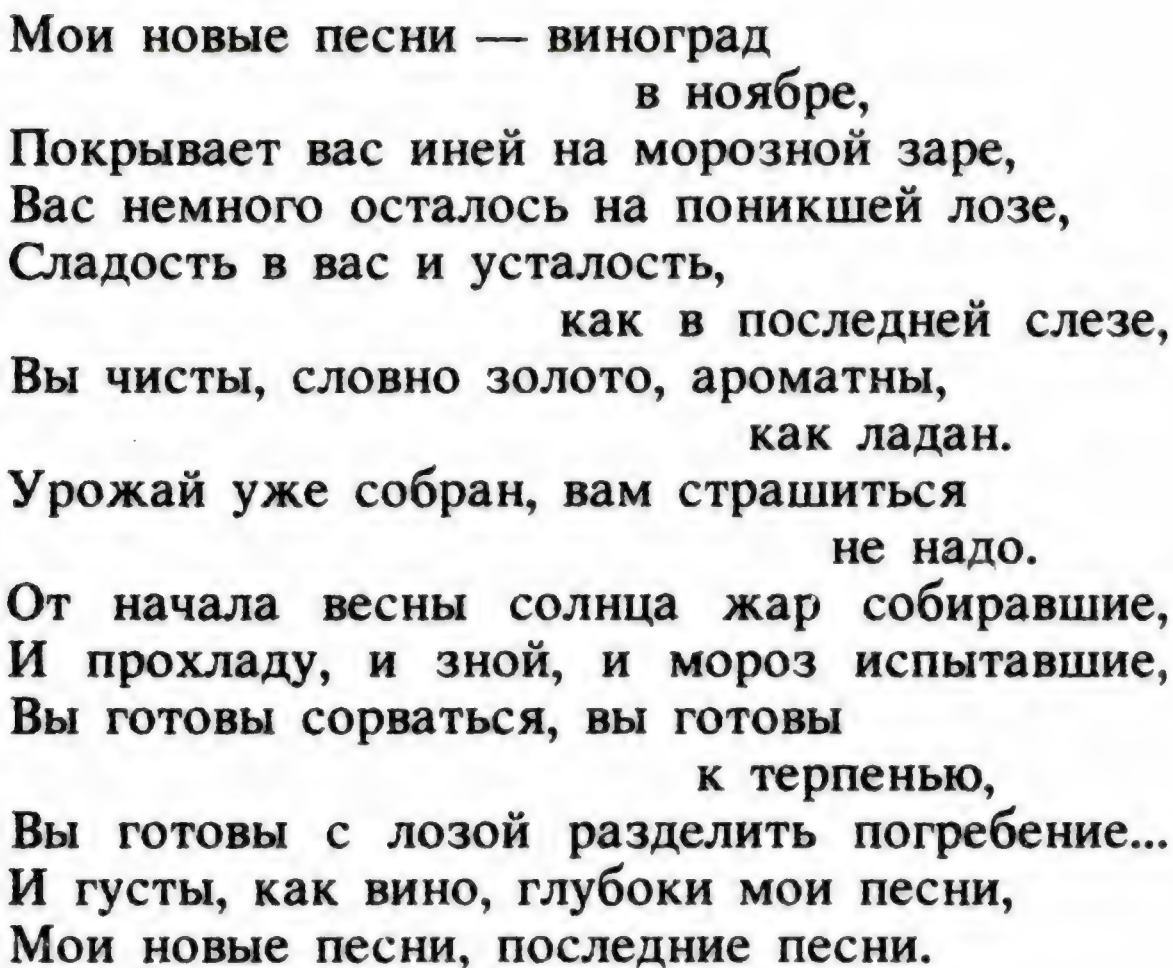
Дорога вдаль ведет, длинна.
 Иду по ней, упоена.
 И песня, что поет весна,
 Моею кровью рождена.
 Шагаю в ногу со строкой,
 Соразмеряю слог и суть,
 И слиток слов литой строфой
 За мной, как память, держит путь.
 Иду, легка и голодна,
 Объятыя рифм тоски полны,
 Старинных ритмов бьет волна,
 Я вся во власти той волны.
 Выносит на берег, в тот край,
 Где ждут отрада и покой...
 Ласкай, старинный лад, ласкай
 Размером, рифмой и тоской.

Армения затем уменьшилась, быть может,
Чтобы в сердцах народа раствориться,
Чтоб всех томов нам сделалась дороже
Спасенная из пламени страница,
Чтоб горсточку земли, как талисман,
Носил у сердца каждый из армян...
А имя Родины — бездонный океан
Родных сердец, где нам дано омыться.

Как твой Нарекаци светил,
Светить я не могла, прости.
Улучшить мир, что зло взрастил,
Я не надеялась, прости.
Со страхом саван взявши свой,
Взойти к вершине вековой
И умереть за твой покой
Я не имела сил, прости.

Пускай лишь на ступень одну
Спуститься вниз предложат мне,
Отдать всего одну струну
Из струн души предложат мне.
«Из книг армянского народа
Хоть букву,— скажут мне,—
отдай...»

И посулят за это рай,
Скажу: «Не надо рая мне.»

Марии Петровых

Сердце полно. Выход найти
Кто мне теперь поможет?
В тайнах глубоких песен моих
Кто разобратся сможет?
Так по-армянски плакать могла
В мире лишь ты одна...
Слезы мои перевести
Кто мне теперь поможет?

Не сожалею я, что поздно родилась,
Что воином твоим не довелось
мне быть.

Не только от мечей на свете кровь
лилась,
Не только в битве можно кровь
пролить.

И кровь моя становится строкою,
Но если даже ей водою быть,
То лишь затем, чтоб этою водою
Мне пламя боли ран твоих залить.

Друзья мои, за другом друг,
Пропали на дороге.

Ах, как они ложились вдруг
Под камни у дороги.

И рядом нет живой души.
Друзья отстали, или я?

И грустно мне шагать в тиши
По обезлюдевшей дороге.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Что ты твердишь про страсти и мечту?
В такую ты забрался высоту...
Не видишь, что мосты потоком смыты,
И, как слепой, шагаешь в пустоту.

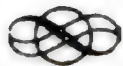
ПОКОЙ

Любви отпылавшей печали, обиды
Умчались, как будто виденья во сне...
И в сердце просторно, и двери открыты,
И памяти ветер поет в тишине.

Казалось, разлуки вовеки не будет,
И нам друг от друга уже не уйти,
Но осень об этом по-своему судит...
И вот мы сказали друг другу «прости».

Прощаясь, мы слез не роняли, молчали,
Когда на закате усталого дня
Любви отпылавшей обиды, печали
Ушли в безвозвратную даль от меня.

Покой и свобода от прежней тревоги.
Так старая мать, что не ждет сыновей,
В себя погрузившись, сидит на пороге,
Единственный сторож лачуги своей.

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

«Мне покажи, сестра, дорогу на Бингел».

Аветик Исаакян

Еще темна и неясна
Дорога на Бингел.
Еще горька; смертей полна
Дорога на Бингел.
Печален час, когда от нас
Навеки ты ушел...
И у кого спросить сейчас
Дорогу на Бингел?

МИНАСУ АВЕТИСЯНУ

И красные ветви деревья склонили,
И красные скирды на красной земле.
Откуда так много взялось кошенили
В старом Джалжуре, армянском селе?

Мужичьи дома и часовни простые,
В пергаментах смолкших речей перезвоны,
У красных порогов крестьянки босые,
И красные руки крестьянской мадонны.

Прекрасные руки крестьянской мадонны,
А там, на кресте, умирающий сын...
Как светел твой облик, судьбой опаленный,
Как ярок пылающий жаром камин.

О, если б я могла
Цветком покорно увядать с улыбкой
И сохранять спокойствие при этом,
Зерном пшеницы превращаться в колос
И сохранять веселие при этом,
Рекой играющей, журчащей, катиться в море
И сохранять неведение при этом,
Звездой падучей в вечность соскользнуть
И сохранять безмолвие при этом...
О, если б я могла,
Как мать-природа, ежедневно гибнуть
И оставаться вечно жить при этом.

Трудно свиданье, разлука трудней.
Трудно молчанье, но слово трудней.
Вера, наверно, труднее всего,
Только без веры трудней.

Не знать бы никому,
Где я права, где нет.
Не видел бы никто
Моих печалей цвет.
Остаться бы одной
С самой собой и с небом.
Уйти бы, чтоб никто
Не отыскал мой след.

КТО ДАЛ НАМ?

Кто солнечный луч сотворил?
Кто создал сверкание рос?
Кто этот щедрый творец?
Кто дал и зачем, вот вопрос,
И страх нам, и трепет сердец?
Он знает ли, что́ натворил?

Я быть плохою избегала,
Хорошей быть боюсь.
Я от добра и зла страдала.
Небытия боюсь.
Напрасным все на свете стало,
Зря отмеряла, отрезала,
Зря оставалась и бросала...
Я вновь любить боюсь.

НЕ МОГУ

Чтоб ты ни делал, я прощала.
И хоть обид не берегла,
Я столько их насобирала,
Что вновь прощать я не могла.
Душа обиды не вместила.
Меж нами пропасть пролегла.
Тебя я все-таки простила,
Себя простить я не смогла.

ЛИСТОМ ОСЕННИМ

Листом осенним я лечу
В траву с ветвей.
Я сад украсить твой хочу
Судьбой моей.
А ветер, нежен и хитер,
В листве шумит.
Он удивлен, что мой костер
Еще горит.

Сердце стало обителью боли.
Боль тоску и любовь приютила.
Что ты, жизнь, наплела, накрутила?
Сердце стало обителью боли.

В смехе слезы живут поневоле,
Летом травы повимерзли в поле,
Сердце стало обителью боли,
Боль тоску и любовь приютила.

НУ ЧТО ЗА СЕРДЦЕ

Ну что за сердце мне досталось?
Я рассмеюсь, оно болит,
Заплачу, сердце засмеялось,
Заговорю, оно молчит...
Живу, его не понимая,
Хотя понять его старалась.
Что хорошо, что нет, не знаю...
Ну что за сердце мне досталось?

СТИХИ И ЛЮБОВЬ

Подолы песен, как цветной туман,
Приводят в трепет нас прикосновеньем...
И навевают сны стихотвореньям,
Благоухая, роза и шафран...

Уходим в сны, как в омуты на дно,
Но вдруг мучительную правду понимаем,
Что мы во сне не песни обнимаем,
Нам лишь подолы их поцеловать дано.

В какой-то забытой песне,—
Не вспомню даже, когда,—
Словно голос, звучал я,
Лучился, словно звезда.

Меня облака обнимали
И отражала вода
В какой-то забытой песне...
Никак не вспомню, когда.

Жребий отвел тогда мне
На небесах уголок,
Чтобы желал я грозам
Только добрых дорог.

Наверно, рубиновой ночью,
Когда все звезды цвели,
С небосклона слетел я
В объятия этой земли.

Я просочился в землю
Рубиновою слезой,
Потом деревцом поднялся,
Но был поражен грозой.

И каждую ночь во мраке
Молитвой из тайных глубин
Сердце мое взлетает,
Слетевший с неба рубин.

Когда свободы хрупкие ростки,
Надломленные бурей, погибают,
Когда, клянясь «до гробовой доски»,
Заранее в сомнение впадают,

Когда оружие потерян счет,
Когда на всех наведены ракеты,
Лишь вера на пути у зла встает,
И лишь любовь ведет из мрака к свету...

Когда судить, что — истина, что — нет?
Кто сократит несметные химеры?
Но вопрошающим любви и веры
Могу я предложить полуответ:

На землю гляньте, что у ваших ног,
Что вы порою матерью зовете,—
Не в ней ли скрыт животворящий бог?..
Ищите там и, может быть, найдете.

Ищите, да обрящете творца,
И да сподобитесь благословенья,
И да очистятся от зла сердца
Во имя жизни вечного горенья!

ПОЭТЫ НЕ СТАРЕЮТ

Мрак такой, что не видно руки,
Страх на нас наступает упрямо,
Греют нас только звезд огоньки,
Словно свечи небесного храма.

И восходит поэт, как звезда,
Молодая и полная света.
И таким же уйдет — никогда,
Никогда не стареют поэты.

Так же молод их родич — родник,
Так же вешняя травка юна.
Не стареют они, словно их
Нестареющие письмамена.

В пору власти бича и меча
Уберечься они не умеют,
Погибают от рук палача.
Но они никогда не стареют.

Уподобясь цветам полевым,
Тратя щедро цветения дни,
Согревая нас сердцем своим,
Никогда не стареют они.

Если даже, коль век не жесток,
Жить дано им в преклонные годы,
Не стареют, как горный поток,
Как надежда и жажда свободы.

Бессмертны только имена.
Мы носим их, пока мы дышим,
Пока мы в книге жизни пишем
Тоски и счастья письмена.
Когда же дни свои, спеша,
Мы исчерпали и уходим,
В земле пристанище находим...
Но имя вечно, как душа.

Как я мечтал, чтоб эта злая сказка
Развязкою счастливой завершилась,
Чтоб милосердие целительной повязкой
На яростную жизнь, смягчая боль, ложилось.

Но жизнь чудовищней любых фантасмогорий,
По небу спутники зловещие летят...
Что делать пери сказочных нагорий,
Когда повсюду проникает яд?

Когда смешались звездные дороги,
И из сердец уходит звездный свет...
И стынут души, жалки и убоги,
И нет надежды, и спасенья нет...

ЖИЗНЬ

Был радостный длинный день.
Его не вернуть. Не зови.
И солнце, и свежая тень,
И нежность, и щедрость любви...
Но вечер выключил свет,
Я в сон уходил, как в путь,
И смеха душистый букет
Себе положил на грудь...
Проснулся от сна, гляжу,
В объятьях Заботы лежу.

Забота — мой верный враг.
Весь день за моей спиной
Считала каждый мой шаг,
Ревниво следила за мной,
Она отгоняла прочь
И радость, и песен звон...
Но вновь опустилась ночь,
Я вновь погрузился в сон...
Очнулся от сна, гляжу,
В объятиях Боли лежу.
И Боль меня подняла,
Я с нею пошел в поля,
И Боль моей песней была,
И Болью сочилась земля...
Я снова дождался тьмы,
Но с Болью уже не до сна...
Друг друга баюкали мы,
То — я ее, то — она...
Когда наступил рассвет,
Боль стала сильнее, я — нет.

Но утро было трудней,
Чем те, что уже вдали.
Я к Боли привык, бог с ней,
Но Страх и Страданье пришли.
Когда на закате дня
Хотел я, усталый, заснуть,
Страданье скрутило меня,
А Страх уселся на грудь...
Глаза открываю, гляжу,
Со Смертью в обнимку лежу...

СКОЛЬКО ЛЕТ МНЕ ЖИТЬ ОСТАЛОСЬ?

Сколько лет мне жить осталось?
И куда я так спешил?
Нажил я одну усталость,
Столько шрамов мне досталось,
Ничего я не решил...
Сколько лет мне жить осталось?

Думал, сердце успокою,
Стоит только петь начать,
Мудрость властною рукою
На уста кладет печать...
А казалось, лишь начать,
Сердце песней успокою.

Сколько лет мне жить осталось?
Видеть зверства, что ни день —
Силы нет... Тоска закралась,
И любовь со мной рассталась,
Да и сам брожу, как тень...
Сколько лет мне жить осталось?

Что же делать мне? Немного
Попросить придется бога
Дни печальные продлить,
Камень в шелк преобразить,
В бодрость — старую усталость...
Сколько лет мне жить осталось?

Сколько лет мне жить осталось?
Срок любой, наверно, мал,
Чтобы шелком камень стал,
Чтоб тоска со мной рассталась,
Чтоб не жгли ни лед, ни пламень...
Сердце давит скорби камень,
Укорачивая дни...
А из мрамора печали
Не шелка мы получали,
А надгробия одни...

Сколько лет мне жить осталось?

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Из ущелий — хранилищ армянской тревоги —
Поднимаются в горы армянские боги
И к вершинам восходят, величавы и строги.

Подымаясь, метели они рассекают
И рождественских гимнов слова распевают,
По утесам и скалам страданий шагают.

Не остались они у огня на пирушке,
Чтобы детям армянским принести по игрушке,
Но никто из них дар донести не сумеет,
Ветры вырвут из рук, и метели развеют.

И, слезу уронив на античные тоги,
Опускаются снова армянские боги
Вниз, в ущелья, что полны армянской тревоги,
Чтобы зимние дни сосчитать по дороге.

И в ущельях — хранилищах нашей тревоги —
Не прощают друг друга армянские боги.
Волчий вой раздается в ночной тишине,
И мужчины армянские стонут во сне.

В эту ночь, дорогая, не злись на меня.
Лучше сядь-ка поближе ко мне у огня,
Лучше выпьем по чарке, обнявши друг друга,
За счастливое детство, неподвластное вьюгам.

ВААГН ДАВТЯН

Мне сердце гулкое, как древний храм, дано.
Шепни, и эхом полнится оно,
На трепет вздоха песней отдается,
Которая из сердца птиц рвется
И долго льется приглушенным звоном,
Как колокол в селеньи отдаленном.
Мне сердце гулкое, как древний храм, дано.
Шепни, и песней полнится оно.

Мой край родной, колени преклоняя,
Я исповедаться тебе хочу,
Твоей земле,
Камням
И рокоту бурлящих вод твоих...

Не надо громких слов...
Даруй мне лепет
Молитвы первой,
Сотворенной человеком...

Начался дождь. Сперва упала капля,
Потом другая, третья и ... без счета...
И вот на волосах твоих
Как будто звездная корона засияла...

И словно к звездам возносила ты,
И словно выше звезд стояла...

Ничтожной кажется слеза,
Но уместилась в ней
Тоска и боль ночей и дней,
Блеск молний и гроза...

Наверно, нет на свете выше,
Грустней и чище песни на земле,
Чем та, с которой лебедь умирает...

Но песни лебединой мне
Услышать до сих пор не доводилось...

Дерев осенних бред, поэзия и проза,
Их золотой, их траурный наряд...
Дни осени прозрачны, словно слезы,
И, словно слезы, боль в себе таят.

Еще иду дорогой наугад,
Но радости давно потерян след.
Еще со мной твой лучезарный взгляд,
Но на прощальный он похож привет.

Ресницами я ощущаю свет
Твоих очей, о, взор не отводи,
На все загадки я нашел ответ,
Но тайна тайн твоих, как прежде, впереди.

Еще чуть-чуть, и отшумят дожди,
И пламя осени укроет снег собою,
И прорастет печаль в твоей груди,
И ты заплачешь над своей судьбою.

Однажды в поле я увидел мак,
И он с тех пор передо мной стоит.
Он словно крик огня,
Самосожженья знак,
Ожог тоски, страданий и обид...

И этот одинокий мак
Я постоянно вспоминаю
И не могу забыть никак...
А почему? Не знаю.

Цветы... Они, возможно,
Слова беззвучные земли...
Возможно, лилии — слова любви святой,
Фиалки, может быть, печали выражение,
А колокольчик — синий крик тоски...

А маки, что, безумствуя, цветут
В предчувствии губительного зноя,
Быть может, стоны алые земли...

Мне станет мир неинтересен,
Когда любовь со мной простится.
И лягут строки горьких песен
На белоснежные страницы.

И, может, суждено за них
Мне даже лавры заслужить...
Но что мне лавры, если их
К ногам любимой не сложить?

Ты от других ничем не отличалась,
Но вдруг, задетая каким-то словом,
Ты запылала так, что показалось:
Вот-вот весна нежданная придет...

И понял я, что женщина, краснея,
Совсем другою взорам предстает...

ГОРНАЯ ДОРОГА

Пьяна темнотою ущелий,
По скалам петляет опасно...
Подобно дороге поэта
Тревожна она и прекрасна.

То кажется молнией дальней,
То тайной, туманом хранимой...
И, как вдохновенье поэта,
Свободна и необъяснима.

Истерзана терний шипами,
О камни и скалы избита...
Она, словно участь поэта,
Всем грозам и ветрам открыта.

А молнии хлещут нещадно
В застывшую грозную лаву...
Но к небу уходит дорога,
Светла, как посмертная слава.

АРМЕНИЯ

Здесь все окрашено так ярко
Густым, контрастным и локальным цветом,
Что кажется нам даль перед глазами
Рисунком неумелого ребенка.

Однако, боже мой, как полон
Наивно-ясный этот мир вокруг
Вопросами, которым нет ответа,
И тайнами, которых не открыть...

НЕТ ТЕБЯ, НЕТ...

... Нет тебя, нет...

И рассвет
Так бледен,
Как бледен больной.

... и не будет...

И горизонт закрыт предо мной
Не тучами, нет, облаками
Складок одежды твоей.

... Нет тебя, нет...

И превратился тоски моей бред
В воздух, которым дышу.

... и не будет...

И, кажется, спичку я подношу,
И воздух должен вспыхнуть огнем.

... Нет тебя, нет...

Но почему и ночью, и днем
Я ощущаю тебя?

Так, наверно, безногий
Свою ощущает ногу,
Зная, что нет ее, нет,
И не будет...

КАК ВИСОКОСНЫЙ ГОД

А молодость ушла куда-то вдаль.
И понял я, когда простился с ней,
Что я похож ужасно на февраль,
Короче быть могу или длинней,
Любовь поправки вносит в календарь.

БЕЗ РИФМЫ, НО РАЗМЕРОМ СЕРДЦА

Подобно скитальцам — дедам моим,
Я должен писать без рифмы,
Как люди на этой земле
Всегда меж собой говорят.
И если размер сохраняю,
То только затем, чтобы слово
Билось, как сердце в груди.

Я НЕ ИЩУ

Я не ищу. Сказать я смею,
Что ищет тот, кто не имеет.
А мне бы способ отыскать
Все, что имею, показать
И все отдать, что я имею.

СОДРОГАЮСЬ

Я содрогаюсь

От тающих твоих прикосновений,
От ветра ледящего касаний,
От мысли, что тебя я потеряю.

Я трепещу,

Когда, глаза открыв, блуждаю,
Когда открыт я скрытому врагу,
Когда подумаю, что ласками могу
Тебя убить нечаянно, как птицу.

Дрожу

Над сыном,
Над твоей любовью
И над судьбой
Моих гонимых братьев.

Я бьюсь,

Подобно сердцу...

С БОЛЬЮ СЕРДЦА

Когда нечаянно я испугиваю птиц,
Мне кажется, что обращаю в бегство
Не птиц, а стаю замыслов моих...

ПРОШЕДШИЕ ЛЮБОВИ

Ты спрашиваешь, скольких я любил,
И кто они, мои прошедшие любви?
Отвечу. Только повторю сначала,
Что для любви не существует продолженья,
Любовь имеет только день рожденья,
Рождение единственным бывает.
И сколько б ни пытались мы любить,
Любви не будет больше, чем дано...
Как, например, не вырастает лишних
Во рту зубов...

Ты говоришь, пожалуй, многовато
Число любимых, что сопоставимо
С числом зубов...
Но не забудь, что я, по правде говоря,
Еще ни разу ни одной любви
Не вырвал и не удалил...
Любимые мои меняли сами
Свое лицо, свой возраст и обличье...
Не я, они меняли голос и походку.
Они менялись сами, а не я.
Ты не забудь об этом.

Не задавай вопроса мне напрасно,
Которая из них была моей любовью
САМОЮ большою?
Не спрашивай, любимая моя.
Любимые мои так отличались друг от друга,
Как пальцы на руке.
Спроси себя сама, который палец
Тебе больнее было б оторвать?
Который палец САМЫЙ?

Ах, это слово САМАЯ.
Послушай, не сходи с ума.
Задумайся всерьез.
Не кажется тебе,
Что все несчастья и крушенья чувств
За этим словом САМАЯ?
Подумай.
Его растения не ведают совсем,
Его животные и слыхом не слыхали,
Его не растолкуешь идиоту...
И потому растения и звери,
И дураки так счастливы на свете.

На самом деле нет на свете САМОЙ.
Хорошая быть может и плохая...
Но, если уж любовь,
То как ей быть плохою?
Но, если уж любовь,
То ей сравнения нет.
Любимая моя, запомни,
Любови прошлые в душе не умирают,
А если бог судил им умереть,
То продолжают жить они, как память...
Как память... наших умерших детей,
А эту боль не принято тревожить...
Я грешен, грешен...
Обними меня.

ПИСЬМО

Она мне пишет, я ли ей пишу?

И сам не знаю.

«Скажи когда, когда же, наконец,

Когда тебя увижу?

Зимою, летом, осенью, весной?

Где наше время года,

То, пятое,

Которое для встреч?».

Она мне пишет, я ли ей пишу?

И сам не знаю.

«Ты замечаешь? Там зима шагает,

По тем лесным заветным уголкам,

Которые мы летом находили.

Так холодно, что даже голос гнется,

Как будто он придавлен грузом.

И сучья голые дорогу закрывают,

Царапают лицо и норовят

Ударить по глазам.

Шагаю в сумерках рассеянно...

Рассеянно? А, может, исступленно?

Какая разница?

И понимаю, прячут руки от волнения,

От неуверенности могут прятать ноги...

Но отчего лицо скрывают люди?

Наверно, от стыда?

/Но мне любить тебя не стыдно/.

А может, от тоски?

/Но я тебя открытыми глазами хочу увидеть/.

А, может быть, от этих сучьев злых,

Что заставляют ежиться меня?

/А мне бы съежиться от взгляда твоего/.»

Она мне пишет, я ли ей пишу?

И сам не знаю.

«Не отвечай на все мои вопросы,
Но только на один прошу ответить.

Прошла весна, а мы не повидались,

Минуло лето, нет тебя и нет,

Прмчалась осень, а тебя не видно,

Зима уйдет, тебя я не увижу...

А где же время года нашей встречи,

То, пятое? Ужели не настанет?»

СОДЕРЖАНИЕ

АМО САГИЯН

«Ночь коротка...»	8
«Меня к себе зовут родные горы...»	9
«Ты тесто приготовил из камней...»	9
«Один лишь день ты подарила мне...»	10
«Небытием меня не испугать...»	10
«Осени привкус в солнечном свете...»	10
«Цветные радуги цвели в моих слезах...»	11
«В горах рассветало, журчала вода...»	11
«Ростками пробиваясь из земли...»	12
«Года друг с другом схожи и не схожи...»	12
«Не раздаю, не собираю...»	13
«Дожди смывают пыль с дорог...»	13
«Ушли, пролетели годы мои...»	13
«В росистых лугах, бесприютен и тонок...»	14
«Что за люди? О, боже, ответь...»	14
И стану я молиться вновь	15
«Ах, в любви лишенном мире...»	16
«День убегает от криков дня...»	16
«Скажи, что оставил в ущелье своем...»	16
Какого вкуса звезды	17
«Сверчки воспоминаний, вас...»	18
«Сказку бабушки моей...»	18
«Я снова все тот же подпасок...»	19
«Только, только взрываются почки твои...»	19
«В фиолетовых туманах...»	19
«И князем я бывал...»	20
«Вон скворец спустился на посевы...»	21
Земля тебе пухом	22
Осенняя прозрачная вода	22
«Чудеса в этом мире моем ежедневны...»	23
Я помогаю	24
Зачем она все та же?	25
«Я разум наукой твоей не насытил...»	26
Не понимаю	26
«Я сотни раз и жил, и умирал...»	27

«Тропинки далеких мальчишеских дней...»	28
«Не повстречаю на пути...»	28
«Не мерз я раньше, в юные года...»	29
«О, вернись, мое детство...»	29
Там горы вырастают	30
Словно лодка	30
«Той яблоне, что вырастил ты сам...»	31
«Был певцом и земли, и камней...»	32
Вечерняя трапеза	32
Жаворонки	33
«Вернусь и птиц моих я перелет узнаю...»	33
«И радость вернется к печальным зрачкам...»	34
«Все это было, словно грезы...»	34
Когда это было?	35
«С трудом строку я в жизнь вмещаю...»	35
Без тебя	36
«При слове «Армения» щеки румянцем»	37

АРШАЛУЙС МАРКАРЯН

Сурияну	38
---------	----

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

«Холодно. Осень...»	39
«Так прошла эта осень, она...»	40
Без названия	41
«О, Александр, пламенный поэт...»	42
«Так часто в прошлом повторяли...»	43
«Жизнь несла и беду, и паденье...»	43

ОВАНЕС ШИРАЗ

«Боже, если ты есть, мой народ сохрани!...»	44
«Не вмещает сердце веры...»	44
«В глазах у фиалки роса, как слеза...»	45
«Сасунские горы! Сасунские горы!...»	45
«В снах Раздан грохочет мой...»	45
«Масис, Масис, святой Масис...»	46
«Нас Ванское море священное ждет...»	46

«Твое милосердие вечно, о боже...»	46
«Мне кажется, что я старею...»	46
«Надежда моя—верблюжонок в пустыне...»	47
«Формы изменятся, суть — никогда...»	47
«Повсюду одинаков человек...»	47
«Встают и рушатся миры...»	47
«Охотница, скажи, ты не устала?...»	48
«Снова на небе луна...»	48
«Кровь тысячи жарких сражений...»	48
«Снега на склонах гор белеют...»	48
«Сказала мать: «Когда умру...»	50
«Как не лишился я ума...»	50
«Склонись, прохожий. Непременно...»	50
«Дума моя глубока, как печаль...»	51
«Ручьи мои и родники, загадкой...»	51
«Других водой поил, а о себе забыл...»	51

АРАМАИС СААКЯН

«Армению на карте разыщу я...»	52
«Когда мне весело, и разбирает смех...»	53
«Придется много повидать...»	53
«Я видел месть и лесть...»	53
«Я бросил камень и попал в родник...»	53
«К остановке больной, одинокий старик...»	54
«Я вовсе не был одинок...»	54
«О, ночь любви, влюбленные, конечно...»	54
«Любил я песенку давно...»	54

АНАИТ ПАРСАМЯН

«На белых, белых снах твоих...»	55
Гагаму Сарьяну	56
«Увы, не видел ты меня...»	56

ИГНАТ МАМЯН

Наирские поэты	57
«Горящая жажда томила меня...»	58

ГЕВОРГ ЭМИН

«Я в слезах захлебнулся...»	59
«Река обмелевшей журчат перебаты...»	60
«Когда это было? Огнем пленена...»	61
Арме, в день рождения	62
«Ах, зря бесконечно...»	63
Бессонница	64
«Ты не гляди с усмешкой и сомнением...»	65
«Я прахом был...»	66
«Услышать бог не приведи...»	67
Зову я всех	68

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

Старинная песня, написанная сегодня	70
«Армения затем уменьшилась, быть может...»	71
«Как твой Нарекаци светил...»	71
«Мои новые песни — виноград в ноябре...»	72
«Пускай лишь на ступень одну...»	73
«Сердце полно. Выход найти...»	73
«Не сожалею я, что поздно родилась...»	74
«Друзья мои, за другом друг...»	74
История одной любви	75
Покой	75
Аветику Исаакяну	76
Минасу Аветисяну	76
«О, если б я могла...»	77
«Трудно свиданье, разлука трудней...»	77
«Не знать бы никому...»	77

МАРИЯ АКОПЯН

Кто дал нам?	78
«Я быть плохою избегала...»	79
Не могу	79
Листом осенним	80
«Сердце стало обителью боли...»	80
Ну что за сердце	81

РАЗМИК ДАВОЯН

Стихи и любовь	82
«В какой-то забытой песне...»	83
«Когда свободы хрупкие ростки...»	84
Поэты не стареют	86
«Бессмертны только имена...»	87
Жизнь	88
«Как я мечтал, чтоб эта злая сказка...»	87
Жизнь	88
Сколько лет мне жить осталось?	90
Новогодняя сказка	92

ВААГН ДАВТЯН

«Мне сердце гулкое, как древний храм...»	93
«Мой край родной, колени преклоня...»	94
«Начался дождь. Сперва упала капля...»	94
«Ничтожной кажется слеза...»	94
«Наверно, нет на свете выше...»	94
«Дерев осенних бред, поэзия и проза...»	95
«Однажды в поле я увидел мак...»	95
«Цветы... Они, возможно...»	96
«Мне станет мир неинтересен...»	96
«Ты от других ничем не отличалась...»	96
Горная дорога	97

ПАРУЙР СЕВАК

Армения	98
Нет тебя, нет...	99
Как високосный год	100
Без рифмы, но размером сердца	100
Я не ищу	100
Содрогаюсь	101
С болью сердца	101
Прошедшие любви	102
Письмо	104

Рыжков Марк Николаевич

ШИПОВНИК

Стихи /переводы с армянского/

Зав. редакцией поэзии А. М. Городницкий

Редактор М. П. Никулина

Технический редактор Н. В. Чернякова

Художник Ю. Н. Филоненко

Корректор О. Седова

Сдано в набор 20.02.91. Подписано в печати 11.11.91.

Формат 70×90/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,095. Усл. кр.-отт. 4,095.

Тираж 7000. Заказ 00225. Цена договорная.

Малое издательство «Старт». 620083 г. Свердловск,
пр. Ленина, 51, к. 110.

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

МАРКА РЫЖКОВА